

10. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 59. Пор. 56941. Папка 423. Л. 38.
11. Там же. Л. 5.
12. ДВП. Т. VI. М. 1962. С. 332–333; Ушаков Г. А. Остров Врангеля // Советская Арктика. 1936. № 8. С. 21.
13. *Вилькицкий Б. А.* Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. Архангельск : Издат. центр СГМУ, 2001. С. 28–29.
14. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 59. Пор. 56905. Папка 422. Л. 5–9.
15. ДВП. Т. VI. 1962. С. 416–418.
16. Там же. С. 418.
17. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 59. Пор. 6941. Папка 423. Л. 29.
18. *Шведе Е.* Остров Врангеля // Морской сборник. 1923. № 9. С. I–XIV.
19. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 59. Пор. 6941. Папка 423. Л. 51.
20. РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 442. Л. 24.
21. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 59. Пор. 56941. Папка 423. Л. 48, 52.
22. РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 442. Л. 28–29об.
23. АВП РФ. Ф. 54. Оп. 76. Пор. 14. Папка 2022. Л. 2.
24. РГА ВМФ. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 442. Л. 51.
25. Там же. Л. 92.
26. Там же. Ф. Р-1004. Оп. 2. Д. 2. Л. 65–65об.
27. *Шведе Е. Е.* История открытия и «завоевания» острова Врангеля // Красный флот. Кн. 10. 1924. С. 111–120.
28. Там же. С. 111.
29. Активист ОАХ. [Сабанин А. В.] Империализм на Полярном Севере и интересы СССР // Советский Север. 1930. № 1–2. С. 27.
30. *Шведе Е. Е.* Американская экспедиция на о-в Врангель // Морской сборник. 1924. № 9. С. 130.
31. ДВП. Т. VII. 1963. С. 532.
32. *Давыдов Б. В.* В тисках льда. Плавание канлодки «Красный Октябрь» на остров Врангеля. Л. : Тип. Морск. ведомства, 1925. 32 с.
33. *Красинский Г. Д.* На советском корабле в Ледовитом океане (Гидрографическая экспедиция на остров Врангеля). М. : Литиздат Н.К.И.Д., 1925. 76 с.
34. *Картрайт А.* Англо-Американские притязания на остров Врангеля и Советская полярная гидрографическая экспедиция // Красная Нива. 1925. № 5. С. 110.
35. Там же.
36. Там же.
37. *Давыдов Б. В.* Указ. соч. С. 3.
38. Арктический регион... С. 242–243.
39. *Хаусхофер К.* Границы в их географическом и политическом значении // Хаусхофер К. О геополитике. М. : Мысль, 2001. С. 61.
40. *Брейтфус Л. Л.* О разграничении северной полярной области // Морской сборник. 1927. № 1. С. 12.

В. Е. Быкасов **А МОГ ЛИ ИВАН КАМЧАТЫЙ БЫТЬ НА КАМЧАТКЕ?**

Иван Камчатый. Личность столь же реальная, сколь и легендарная. Ибо одни исследователи считали его всего лишь помощником Фёдора Алексеевича Чюкичева, а другие приписывали ему роль первооткрывателя Камчатки. Что и побуждает присмотреться к той части жизни и деятельности отважного казака и незаурядного землепроходца, которая связана с походом отряда Ф. Чюкичева на реки Омолон, Пенжина и Чендон (Гижига).

Начать же этот анализ следует с принципиального замечания. Дело в том, что историки и краеведы (и даже географы), говоря о землепроходцах, нередко упускают из виду ту ландшафтную обстановку, в которой осуществлялись их походы. Вернее сказать, довольно часто ландшафты (горы, реки, моря и пр.) в реконструкциях многих исследователей предстают всего лишь в качестве фона реально происходящих исторических событий. А ведь именно ландшафтная составляющая во многом, а, нередко, и в решающей степени, предопределяла возможность и особенности осуществ-

вления конкретного похода. Ибо казаки и промышленные люди не просто перемещались от одного (начального) к другому (конечному) пункту, а передвигались по конкретной территории. Так что при описании походов землепроходцев их маршруты просто необходимо привязывать к местности. Причём привязывать как хронологически (к реальным объектам, через которые или по которым проходили или могли проходить казаки), так и хронологически (сколько времени понадобилось (понадобилось бы) тому или иному отряду на преодоление либо всего, либо той или иной части их пути). И, причём, обязательно с поправкой на сезоны года с их особенностями, способствующими или, наоборот, препятствующими передвижению. А также с учётом способов (пешком, на собаках, на оленях, на кочах и т. д.) передвижения, наличия пищи, одежды, снаряжения и других особенностей, благоприятного или, наоборот, враждебного отношения местных жителей.

Замечание это уместно уже хотя бы потому, что многие исследователи, упуская из виду ландшафтный антураж описываемых событий, нередко приписывали казакам и промышленным людям либо излишнюю лихость при достижении ими реальных и, особенно, предполагаемых территорий и объектов, либо следование теми местами, которыми землепроходцы на самом деле идти не могли. Впрочем, приведу пример, напрямую связанный с темой данного исследования.

Так, например, Б. П. Полевой пишет, что в 1645 г. на Индигирке русские впервые столкнулись с юкагирами, которые со своими оленями ходили через верховья р. Колымы вдоль Гыдана к р. Пенжине и оттуда, через Парень, к верховьям р. Гижиги (12, с. 51). И добавляет, что несколько позднее, уже на самой Колыме, русские услышали от юкагиров об юкагирском имени «Чендон», которое привязывалось к верхней части р. Гижиги. А завершает он всё это высказыванием о том, что на поиски «Чендона» (Гижиги) отряд Ивана Аврамовича Баранова отправился ни много ни мало с верхней Колымы.

В том, что юкагиры с верховьев Колымы могли ходить вдоль Гыданского хребта (ныне Колымское нагорье, примыкающее к правому борту долины р. Колымы) к рр. Гижиге и Пенжине, сомневаться не приходится. Другое дело, что от среднего и нижнего течений рр. Яны, Индигирки и Алазеи (от ареала обитания юкагиров) к устью р. Омолон (правый приток Колымы, по которому юкагиры выходили к Чендону) они перемещались либо по низменным долинам рр. Бодярихи (правый приток Индигирки) и Ожогойной (левый приток Колымы), обходя при этом с севера Момский хребет. Либо, что ещё ближе и проще, по Яно-Индигирской и Колымской низменностям.

Относительно же предположения о продвижении отряда И. Баранова на Чендон (Гижига) через верховья Колымы следует заметить, что, приняв это представление на веру, необходимо будет признать, что казакам пришлось бы проделать путь от низовий Колымы (от Нижнеколымска) до верховий Колымы, преодолев при этом около 2 000 км пути, так как длина Колымы от устья и до места слияния рек Аян-Юрях и Кулу, дающих начало Колыме, составляет 2 129 км. А затем оттуда вновь пройти в обратном направлении около 1 800 км до устья р. Омолон, чтобы по её долине выйти к истокам Чендона.

Однако в «Памяти служилому человеку Михаилу Стадухину, со сведениями о походе служилого человека Ивана Баранова на р. Анадырь в 40-е гг.» говорится, что «...в прошлом же во 158-м году писал ты же, Михалко, в отписке ж своей, что в прошлом во 157 году февраля в 20-й день сын боярской же Василей Власьев да целовальник Кирилко Коткин с Ковыми реки послали на ту новую Погычу реку служилого человека Ивашка Баранова да с ним 35 человек горою, куда послан ты, Михалко. ...И тот Ивашко с промышленными людьми горою не дошли и пришли на Колыму реку плачучи» (9, с. 263–264). Но так как зимой 1649 г. М. Стадухин самовольно совершил поход на р. Анюй (3, с. 197), то получается, что И. Баранов был отослан в том же 1649 г. не на юг к Чендону, а на юго-восток в поисках р. Погычи (Анадыря?). Однако, заблудившись по незнанию ландшафтной обстановки в притоках р. Омолон, казаки вынуждены были вернуться в Нижнеколымск.

Тем не менее, от оломонских юкагиров И. Баранов сумел узнать новые подробности о р. Гижиге (Чендоне) и путях следования к ней, на основе которых якутской таможенной в 1652 г. была выдана проезжая грамота на походы к Гижиге. И в 1657 г., руководствуясь этой грамотой, в поход на Гижигу отправился отряд казаков и промышленных людей под руководством Ф. Чюкичева.

Вот как описывает это событие в одной из своих ранних статей Б. П. Полевой: «В середине 50-х гг. XVII в. на Колыме были получены сведения о промысловых богатствах новых “закаменных рек”, в частности р. “Чендон” (Гижига). Колымские “начальные люди” решили сразу же послать туда отряд служивых и промышленных людей во главе с Фёдором Алексеевым Чюкичевым. К этому отряду позже присоединился и Иван Камчатый.

С открытием навигации 1657 г. отряд Чукичева отправился на коче на р. Омолон. В верховьях Омолона, у устья р. Баранихи, открытой в 1648 г. Иваном Барановым, Чюкичев основал своё главное зимовье. С верховьев Омолона отряд Чюкичева перешёл на Пенжину, а оттуда через р. Парень в верховья р. «Чендон» (Гижиги), где основал Чендонское зимовье. Так возникло русское поселение в непосредственной близости от Камчатки» (10, с. 105).

Практически слово в слово повторяет сказанное Б. П. Полевой и в последующей своей публикации на эту тему (11, с. 23), предоставив, тем самым, исходный материал для уточнения основных обстоятельств, связанных с этим походом.

Начать таковое уточнение следует с того, что в данном случае историк «закаменной рекой» считал Гижигу (Чендон). И подчёркивал при этом, что «закаменными иноземцами» Чюкичев и его товарищи называли жителей, обитающих на юге «за камнем» – за Колымским хребтом (Гыданом). Очень важно, что Чюкичев намеревался побывать у «неясчных закаменных иноземцев». Русские тогда уже собирали ясак и на Пенжине и на Гижиге, следовательно, речь шла об иноземцах, живших южнее Пенжины (10, с. 107; 11, с. 24).

Однако М. Стадухин, кратковременно побывавший в низовьях нынешней Пенжины, потерпел поражение от оседлых коряков острожка Аклан и потому собрать с них ясак не смог. А после него, вплоть до 1670 г., когда в средней части долины нынешней Пенжины, возле устья р. Часовитиной, был поставлен Чендонский острог (отчего, кстати, р. Пенжина некоторое время также именовалась Чендоном), русские люди на этой реке не появлялись. И точно так же никто не мог до похода Ф. Чюкичева собирать ясак в долине нынешней р. Гижиги, так как до него никто на Чендон не выходил.

Таким образом, намерения побывать у иноземцев, проживающих в долине современной р. Пенжины и тем более южнее, у Ф. Чюкичева быть не могло. И не могло тем более, что, как будет показано ниже, под р. Пенжиной юагиры понимали нынешнюю р. Гижигу, а сам Ф. Чюкичев под этой же рекой понимал р. Парень, на которую его отряд попал по ошибке.

Что же касается утверждения Б. П. Полевого о близости зимовья, построенного казаками Ф. Чюкичева в верхней части долины р. Чендон (современной Гижиги), к Камчатскому полуострову, то следует заметить, что располагалось оно зимовье в 275 км (по прямой через Пенжинскую губу) от перешейка, соединяющего п-ов Камчатка с материком; в 600 км, если идти к этому же перешейку вокруг Пенжинской губы; и в 1400–1500 км от р. Камчатки. Так что говорить о его близости к Камчатке не приходится.

Кстати, уже сами эти обстоятельства исключают возможность осуществления И. Камчатым похода на Камчатку. Однако не стану спешить с окончательным выводом и возвращусь к походу Ф. Чюкичева, с тем, чтобы определиться с основными пространственными этапами и временными вехами следования отряда Ф. Чюкичева от Нижнеколымска к реке и по р. Омолон и далее.

И с этой целью вновь обращусь к представлениям Б. П. Полевого, обнаружившего в архивах подлинные данные об этом походе: «В московском, бывшем Центральном (а ныне Российском) архиве древних актов удалось обнаружить две ясачные книги с “новой с Чендона и Омолона рек збору якутского острогу служилых людей Фёдора Чюкичева да Ивашки Камчатова”» (13, с. 121). В которых, продолжает историк, сообщается, что «... ходу до Чендона реки от ковымского Нижнего зимовья на судах по Омолоне реке вверх восемь недель до Пенжинского хребта, и по хребты итти на нартах до Пенжины реки две недели, да по Пенжине реке идти до Чендонского хребта десять дней, а по хребтам идти на нартах до Чендонского зимовья восемь дней...» (там же).

Дело в том, что из этой первичной информации уверенно выделяются три основных пространственных репера, к которым столь же однозначно привязывается хронология похода отряда Ф. Чюкичева. Это Нижнеколымск, из которого отряд выступил в поход. Это р. Бараниха (она же Быстрая, она же Кегали) – правый приток р. Омолон, в устье которой отрядом Ф. Чюкичева было построено первое базовое зимовье казаков. И это, наконец, зимовье в верховьях р. Чендон, от которого казаки выходили по р. Чендон (Гижиге) к Охотскому морю.

Что же касается хронологических вех, то первый по времени этап похода был осуществлён летом 1657 г., когда казаки отплыли от Нижнеколымска на коче к р. Омолон и далее вверх по нему. А это могло произойти только после схода ледового покрова на реках, что в низовье Колымы происходит в последних числах июня (14). Причём поскольку плавание казаков вряд ли началось сразу же после окончания ледохода, и что продолжалось оно 8 недель (см. выше), то достичь устья р. Баранихи они смогли лишь в самом конце августа, где они до наступления зимы ставили зимовье, ловили и сушили (вялили) рыбу, а также изготавливали лыжи и нарты для зимнего перехода на Чендон.

Дождавшись установления снежного покрова и, главное, полного замерзания рек, что в тех местах окончательно происходит в третьей декаде октября (14), казаки и промышленные в конце октября или начале ноября отправились в дальнейший путь. При этом они от своего базового зимовья на р. Баранихе за две недели перешли через Пенжинский хребет к р. Пенжине, оттуда ещё 10 дней продвигались по ней к Чендонскому хребту и, преодолев этот хребет за 8 дней, вышли в верховья р. Чендон. Там, как уже говорилось, они и поставили своё последнее зимовье, в котором пробыли до весны 1659 г., занимаясь охотой и время от времени предпринимая неудачные попытки собрать ясак с местных жителей. В том смысле неудачные, что местные жители, по словам казаков, либо «от аманатов отступаются и ясаку под них не платят», либо «просят отсрочить платёж до осени».

Но коль скоро в верховьях Чендона отряд Ф. Чюкичева появился зимой 1657–1658 гг., то выйти на побережье Охотского моря казаки могли только весной 1658 г. Вот что говорил об этом, ссылаясь на архивные данные, И. С. Вдовин: «По среднему течению Чендона жили оседлые коряки в двух острожках. Чюкичев называет их по имени старшин, находящихся тогда во главе населения этих острожков, “Антуев острожек да Чепчугин”. Весною того же года (1658. – В. Б.) Ф. Чюкичев со своим отрядом “ходил в судах к морю... а поплаву до моря из Антуева острожка одне сутки”. В устье р. Чендона (Гижиги) он нашёл посёлок оседлых коряков, в которых было 12 юрт. Осенью того же года Чюкичев вторично ходил “к морю же на другую сторону” (очевидно, залива, в который впадает р. Гижига), где “погромил” корякский посёлок, состоявший из 8 юрт» (2, с. 172). То есть, согласно мнению И. С. Вдовина, два корякских острожка стояли в среднем течении р. Чендон (Гижига), а два других – на морском побережье. Причём, в первый раз к морю казаки выходили весной, а во второй раз – осенью 1658 г. (там же).

А вот Б. П. Полевой, ссылаясь на те же архивные данные, написал: «Летом 1957 г. Чюкичев спускался вниз по Гижиге к Охотскому морю, в район корякских поселений. А осенью того же года он совершил поход из Чендонского зимовья к морю в другом направлении: “ходили к морю же, но на другую сторону” (выделено нами. – Б. П.). Несомненно, здесь речь идёт о находившейся в другой стороне от Чендонского зимовья Пенжинской губе» (10, с. 105). Однако летом 1657 г. казаки поднялись на коче вверх по Омолону, а затем зимой пешком шли к Чендону. И уже только поэтому не могли летом 1657 г. выйти на берег Гижигинской губы.

Тем не менее, Б. П. Полевой чуть ниже написал: «Во время этого похода стало известно о существовании новой группы “неясашных коряк”, поэтому в конце 1657 г. был предпринят новый поход на оленных “дальних коряк”» (10, с. 106; 11, с. 23). То есть он опять же почему-то говорил об осени 1657 г.

Впрочем, Б. П. Полевой был не единственным из тех, кто не совсем верно проинтерпретировал первичные данные. Например, А. С. Зуев об этих же событиях выразился следующим образом: «С Колымы на Пенжину ходил енисейский казак Фёдор Алексеевич Чюкичев. На Пенжине его казаки штурмом взяли два корякских острожка: “...взял я, Федька, у коряк два острожка, Антуев острожек да Чепчугин...” После этого Чюкичев двинулся на реку Гижигу и в её верховьях основал Чендонское зимовье (Чендон – юагирское название Гижиги), откуда совершил два похода к устью Пенжины и, возможно, переходил “через камень” (хребет) к Берингову морю (по версии Б. О. Долгих, эти события происходили в 1658 г.)» (3, с. 210–211).

То есть он (Зуев. – В. Б.), в отличие от И. С. Вдовина, острожки Антуев и Чепчугин привязал к современной Пенжине, а не к р. Чендон (Гижига). И привязал, на мой взгляд, потому, что отождествил упоминаемую Ф. Чюкичевым р. Пенжину с современной рекой под этим же именем. К тому же он дважды «отсылал» казаков от Чендонского зимовья не к устью р. Гижиги (Чендон), а к устью всё той же Пенжины. Ну а некритически восприняв представление Б. П. Полевого о «камне», под которым тот понимал Срединный хребет полуострова Камчатка, А. С. Зуев также «отправил» казаков Ф. Чюкичева через этот самый «камень» (хребет) к Беринговому морю.

Всё это вместе вызывает необходимость более тщательно отследить основные пространственные этапы и временные вехи похода отряда Ф. Чюкичева к р. Гижиге и к Гижигинской губе. Причём отследить на основе ландшафтно-ситуационного анализа, то есть на основе увязки реальных и предполагаемых маршрутов казаков как к конкретным местностям, по которым они передвигались (или могли бы передвигаться), так и ко времени, необходимому для продвижения от одного опорного пункта до другого. И начну я этот анализ с факта преодоления отрядом Ф. Чюкичева водораздела, отделяющего бассейн р. Омолон от бассейна р. Чендон (Гижиги).

Дело тут заключается в том, что сами казаки говорили о преодолении ими Пенжинского хребта, под которым они явно понимали не нынешний Пенжинский хребет, отстоящий на 300 км от истоков р. Омолон, протянувшийся вдоль левого борта современной р. Пенжины. Ибо дойти до

него и, тем более, перейти на другую его сторону за две недели казаки никак не могли. Особенно если вспомнить о том, что при реальном передвижении этим маршрутом его длина увеличивается до 400–450 км. А также о том, что отряду М. Стадухина в точно таких же условиях потребовалось почти два полных месяца для того, чтобы преодолеть 400 км от Анадырска до острожка Аклан, расположенного в низовьях современной р. Пенжины, перевалив при этом нынешний Пенжинский хребет.

Но это означает, что казаки отряда Ф. Чюкичева под Пенжинским хребтом понимали горы, отделяющие бассейны правых притоков р. Колымы от бассейнов рек Охотского моря. А таковыми могли быть только горы современного Колымского нагорья, которое, кстати, М. Белов, Б. Полевой и многие другие историки нередко, по старинке, именовали Гыданским хребтом. А кстати потому, что ландшафтные объекты с таковыми же именами (Гыданский п-ов и Гыданская губа) располагаются между Обской губой и Енисейским заливом. И этот факт убедительно подтверждает представление о масштабных «путешествиях» одних и тех же топонимов по Сибири и Северо-Востоку Азии (1), к числу которых относится и перемещение названия «Пенжинский хребет» от гор правого борта бассейна р. Омолон к горам левого борта бассейна современной р. Пенжины.

Но коль скоро казаки отряда Ф. Чюкичева под Пенжинским хребтом понимали нынешнее Колымское нагорье, служащее водоразделом между реками, впадающими в Северный Ледовитый океан с одной стороны и в Охотское море с другой, то остаётся признать, что под р. Пенжиной они понимали современную р. Парень, а не нынешнюю реку с этим именем.

И в самом деле, допустим, что казаки от р. Омолон, преодолев Колымское нагорье, вышли к одному из истоков современной р. Пенжины, проследовали по ней почти до устья, а затем долинами рр. Оклан и Парень вышли к р. Гижиге. Однако длина нынешней р. Пенжины составляет 708 км, а расстояние (по прямой) от её устья до верховьев р. Чендон (современной Гижиги) – около 200 км. И при средней скорости движения тогдашних пеших отрядов казаков и промышленных людей в одно поприще (20 вёрст за день), им, с учётом дней отдыха и вынужденных остановок из-за непогоды, потребовалось бы на этот переход затратить не менее 50–60 дней. Сами же казаки утверждают, что по р. Пенжине они шли всего 10 дней. Так что вариант перемещения отряда Ф. Чюкичева по современной р. Пенжине отпадает полностью. Тем более, что при таком раскладе казаки первую половину своего пути удалялись бы от Чендона, а не приближались к нему, так как верховья нынешней р. Пенжины лежат к северо-западу от верховий Чендона (Гижиги), а сама р. Пенжина в верхней половине своего течения течёт с запада на восток.

Но в таком случае получается, что из всех нынешних рек на роль Пенжины в понимании Ф. Чюкичева и И. Камчатого может претендовать только р. Парень, истоки которой находятся всего лишь в 120–150 км от истоков правых притоков р. Омолон. Поскольку именно от этой реки казаки повернули к Чендонскому хребту, перевалив через который оказались в верховьях р. Чендон (Гижиги).

И действительно, р. Парень (Пенжина) перед окончательным выходом из предгорий довольно резко поворачивает к юго-востоку. А потому казаки, прознавшие от юкагиров Омолона о том, что р. Чендон лежит западнее р. Пенжины (под которой, кстати, юкагиры понимали р. Большая Гарманда), свернули к юго-западу и, перевалив за 8 дней через небольшой отрог Колымского нагорья, именуемого ими Чендонским хребтом, попали в долину реки, которую они посчитали Чендоном. Посчитали казаки реку Парень Пенжиной потому, что они из-за незнания пути попали не в верховья той р. Пенжины (нынешняя р. Гижига), о которой русским говорили юкагиры, а в долину р. Парень.

Кстати, о том, что Ф. Чюкичев и И. Камчатый действительно ошиблись, посчитав р. Парень Пенжиной, а р. Гижигу Чендоном, можно уверенно судить по данным С. П. Крашенинникова: «В четырёх днях ходу от реки Пенжины следует речка Егача или Арача, оттуда в двух днях ходу Парень река, которая вершинами сошлась с Акланом рекою, от Пареня в 6 днях ходу Чондон, а потом Ижиги река» (5, с. 83). Да и Б. П. Полевой также считал, что отряд Ф. Чюкичева к Чендону шёл по реке Парень: «Из документов XVII века видно, что именно по Парени тогда шёл путь в Чендонское зимовье на верхней Гижиге, где было зимовье Ф. И. Чюкичева и И. И. Камчатого» (12, с. 60). Другое дело, что он при этом не обратил внимания на то, что сам Ф. Чюкичев р. Парень именовал Пенжиной.

К сказанному, для прояснения сути дела, остаётся добавить, что ещё весной 1651 г. на устье нынешней Гижиги вышел отряд М. Стадухина, который принял эту реку за ту самую Пенжину, о которой ему говорили юкагиры ещё во время его пребывания в 1641–1642 гг. на р. Оймькон, и, позднее, на рр. Индигирке и Колыме. Однако Ф. Чюкичев и И. Камчатый о пребывании М. Стадухина в этих местах ничего не знали, так как стадухинцы появились в Охотске лишь летом 1657 г.,

когда отряд Ф. Чюкичева уже плыл вверх по Омолону. И уж тем более ничего не знали они о том, что М. Стадухин нынешнюю р. Гижигу считал р. Пенжиной, что и побуждает рассмотреть всю эту ситуацию с реками под общим именем «Пенжина» более подробно.

Дело в том, что название «Пенжина» авторы «Топографического словаря Северо-Востока СССР» увязывают с топонимами Пяжин, Пензей, Пензина, корни которых восходят к юкагиро-русской адаптации корякско-чукотского слова пэннын~пэнрын~пэншын~пэнчын – то есть «место нападения» (7, с. 304). Причём, специально подчеркну, по мнению самих авторов, под «местом нападения» изначально понимался перевал, по которому приходили так называемые «тынныт» – «чужаки». И лишь затем это название перешло к реке, по которой оные «чужаки» спускались с перевала.

Но таковыми чужаками для оленных коряков, населяющих долину нынешней р. Гижиги, и от которых, собственно, и произошло само название «место нападения», были юкагиры, приходившие в верховье р. Пенжины от Омолона. А затем, когда омолонские юкагиры окончательно потеряли своих оленей и стали «пеши», уже оленные коряки стали постоянно переходить через этот перевал на Омолон со своими оленями, отчего юкагиры и стали использовать (в своей адаптации) это название «место нападения».

Конечно же, в ответ на это представление можно возразить, что, мол, адаптация юкагирами корякско-чукотского названия могла произойти во время их совместных с казаками походов на нынешнюю Пенжину с тем же В. Атласовым, например. Однако название «Пенжина» стало известно русским ещё тогда, когда они даже о р. Анадырь практически ничего не знали. Причём эта первичная р. Пенжина к современной реке под этим названием никакого отношения не имела.

Правда, замечу, авторы названного «Топографического словаря» это же название («место нападения») привязывали к перевалу, отделяющему бассейн нынешней Пенжины от бассейна р. Анадырь. Однако своё окончательное название современная р. Пенжина получила лишь после того, как топоним «Пенжина» был перемещён на своё нынешнее место. Чему в значительной мере способствовало и то, что через перевалы современного Пенжинского хребта в долину нынешней р. Пенжины также неоднократно приходили «чужаки» – сперва чукчи, а затем и русские. И в том, что всё так и было, убеждает тот факт, что юкагиры никогда не проживали в среднем и, тем более, в нижнем течении современной Пенжины, а потому и не могли своё адаптированное название привязывать к совершенно чуждому и неведомому им нынешнему Пенжинскому хребту.

Таким образом, исходя из всего сказанного, можно достаточно уверенно говорить о том, что казаки отряда Ф. Чюкичева считали нынешнюю р. Парень рекой Пенжиной, современную р. Гижигу – Чендоном, а о существовании современной р. Пенжины на момент выхода на побережье Охотского моря они даже не подозревали. И это тем более верно, что именно такое представление о названных реках помогает прояснить дальнейшие передвижения казаков Ф. Чюкичева, прежде всего – ситуацию с предполагаемым походом на Камчатку.

Дело тут заключается в том, что, как уже говорилось, зимой 1657–1658 гг. казаки, обосновавшись в Чендонском зимовье, ясак с аборигенов верхней и средней частей р. Чендон практически не собирали. Не могли они собирать ясак и летом, так в это время года на пушного зверя не охотятся. И, следовательно, пушнины у них было ровно столько, сколько они добыли за зиму 1657–1658 гг. сами. А это значит, что для того, чтобы заготовить достаточное количество пушнины, у казаков в запасе оставалась всего одна зима, ибо осенью 1659 г. они уже были в Нижнеколымске. Так что времени для совершения похода длиной около 1 400 км только в одну сторону у казаков просто не было.

И в самом деле, впервые на берега Гижигинской губы казаки попали только весной 1658 г., когда они сходили на судах к морю, обнаружив при этом посёлок оседлых коряков, в котором, как пишет И. С. Вдовин, было 12 юрт (2, с. 172). Осенью того же года они ещё раз сходили «к морю же на другую сторону» залива, в который впадает Гижига, «погромив» при этом корякский посёлок, состоявший из 8 юрт (там же). То есть, по мнению историка, казаки за пределы Гижигинской губы на своих судах не плавали. Ничего не говорил он и о том, что казаки от Чендонского зимовья ходили в сторону рр. Парень и Пенжина.

Кстати, в связи с выходами казаков к Гижигинской губе нелишне будет обратить внимание на то, что один и тот же исторический факт, взятый из одного и того же архивного документа, разными авторами, в зависимости от их интересов, представлений и предубеждений, воспринимается по-разному. Ибо в данном случае Б. П. Полевой считает, что во второй раз Ф. Чюкичев ходил (плавал?) на другую сторону полуострова Тайгнос в Пенжинскую губу, а В. И. Вдовин – на другую сторону Гижигинской губы. И добавить, что использование первоисточников (архивных материалов), обычно понимаемое как несомненное достоинство исторического исследования, далеко не всегда

приводит к однозначным выводам. И наоборот, привлечение, за неимением возможности работать с архивными материалами, данных уже опубликованных по этим материалам работ отнюдь не означает, что таковые исследования являются сомнительными.

Впрочем, для нас сейчас не суть важно, кто из названных авторов более верно проинтерпретировал подлинный документ относительно времени и мест выхода казаков к морю. Хотя лично я думаю, что предпочтение следует отдать В. И. Вдовину. Ну хотя бы потому, что плавать на речных кочах вокруг полуострова Тайгонос, среди бурунов, буйных приливных течений и многочисленных скал-кекуров было слишком рискованно. Для нас сейчас гораздо важнее то, что Ф. Чукичев и И. Камчатый лишь осенью 1658 г. узнали о существовании новой группы «неясашных коряк». То есть тех самых коряков, о которых Б. П. Полевой написал: «Те же мужики сказывают, на море близко кость рыба» (ДАИ. Т. IV. СПб. : 1951. С. 146–147. Цит. по: 10, с. 105–106). Причём таковыми коряками скорее всего были жители западного берега Гижигинской губы, острожки которых стояли относительно недалеко от Тауйской губы, в районе которой обитало локальное стадо моржей.

Тем не менее, вероятность похода отряда И. Камчатого поздней осенью 1658 г. от Чендонского зимовья к востоку от Гижигинской губы не исключается. Другое дело, что произойти это могло лишь после возвращения казаков из второго похода к побережью Охотского моря. Причём вряд ли казаки могли реально продвинуться в этом направлении далее устья р. Пенжины, так как передвижение по болотистой местности требовало много времени. К примеру, В. И. Иохельсон о своём походе этими же местами говорил, что «...летом болотистые тундры очень затрудняют сообщение, а местами делают его совершенно невозможным» (4, с. 8), отчего его отряд в среднем за день проходил 16 км (15, с. 100). Тем не менее, двух последних месяцев осени для преодоления пути от Чендонского зимовья до устья р. Пенжины и обратно группе И. Камчатого было вполне достаточно для того, чтобы успеть вернуться на Чендон к началу охоты на пушного зверя.

Итак, двинуться к Восточному морю казаки (если, конечно же, предположить, что часть отряда во главе с самим Ф. Чукичевым осталась на Чендоне, а другая часть во главе с И. Камчатым пошла на восток) могли не ранее конца октября – начала ноября, то есть после установления снежного покрова и замерзания рек. Так что остаётся лишь рассчитать, сколько времени понадобилось бы казакам для того, чтобы они смогли от верховьев р. Гижиги дойти до нижнего течения р. Камчатки и вернуться назад в Чендонское зимовье в начале календарной весны с тем, чтобы успеть по снегу возвратиться к устью р. Баранихи. А для этого, ради простоты и наглядности, просто отмерю на карте соответствующие отрезки маршрута по линейке, то есть без учёта обхода гор и следования изгибами речных долин. И вот что из всего этого получилось.

От верховьев р. Гижиги до устья р. Пенжины дистанция составляет 200 км. Ещё 200 км лежат между устьями рр. Пенжины и Пустой, впадающей в Пенжинскую губу в районе перешейка, соединяющего Камчатский полуостров с материком. От перешейка до р. Лесной расстояние также достигает 200 км. Ещё 150 км отделяют устье р. Лесной от устья р. Караги на восточном побережье полуострова. И, наконец, расстояние от устья р. Караги до р. Камчатки составляет 350 км. Складываем всё это и получаем ни много ни мало 1100 км. И это напрямую по карте. На самом же деле набирается все 1400–1500 км, для преодоления которых потребовалось бы не менее 70–75 ходовых дней. Добавим сюда 30 дней на отдых и непогоду, 30 дней на добычу пушнины (напомню, казаки просто обязаны были добывать её всеми способами, в том числе и охотой, поскольку именно это, а не отыскание новой земли самой по себе, было их основной задачей, за невыполнение которой им было не сносить, буквально, головы), увеличим всё это в два раза за счёт обратного пути, и станет совершенно ясно, что достичь р. Камчатки и вернуться обратно на Чендон за время от начала зимы до начала календарной весны казаки никак не могли, даже если бы они при этом за день и преодолевали 20 вёрст в среднем.

То есть, иначе говоря, ни в 1658, ни в 1659 гг. Иван Камчатый побывать на Камчатке не мог. Если же, конечно, не понимать при этом под Камчаткой так называемый Камчатский нос, то есть пространство, которое простирается на север от перешейка до устьев рр. Пенжина и Анадырь. Впрочем, что бы ни понимать под Камчаткой, по-прежнему не совсем ясным остаётся то, почему и по какой причине Б. П. Полевой «отправил» отряд И. Камчатого к Восточному морю и далее к Камчатке?

И снова приходится говорить о том, что ответ на этот вопрос следует искать в не совсем верной интерпретации архивных данных. Вспомним, что ко времени начала похода Ф. Чукичева русские уже успели обойти Чукотку и выйти в это самое Восточное море. Затем, в 1652 г., С. Дежнёв открыл знаменитую Анадырскую «коргу» с её «рыбьей костью». А ещё чуть позже он же отправил первую партию моржовых клыков в Якутск. Так что ко времени выхода в свой поход Ф. Чукичев

и И. Камчатый обо всём этом уже знали. Хотя, конечно же, они не могли знать, как далеко к югу простирается это самое «Восточное море». И уж тем более они ничего не знали и не могли знать о самой Камчатке.

Зато им наверняка было известно, что на северном побережье Охотского моря имеется большое лежбище «морского зверя моржу», ибо в отписке якутского воеводы И. П. Акинфова от 6 августа 1652 г. об этом говорится: «Да нам же, государь, холопом твоим, ис тех же служилых людей Олешка Филипов да Ивашко Ячменов с товарищи 8 человек, которые ходили с Охоты реки в прошлом во 156-м году на новую на Мотыхлей реку, в роспросе сказали как де они шли на Мотыхлей реку с усть Охоты реки морем подле землю парусным погодьем, бежали судки до Моржового мысу, а на том, государь, на Моржовом мысу версты на две и больши зверя моржу лежит на берегу добре много. Да с усть же, государь, Мотыхлея реки в виду острова. А по скаске де, государь, тунгусов, что на тех островах (живут), зверя моржу ложитца много ж.

И как де, государь, они, Олешка с товарищи, с той с новой с Мотыхлея реки шли назад на Охоту реку в прошлом 159 году, и на море на том же на Каменном мысу зверя моржу лежит много же» (8, с. 300–301).

Вполне очевидно, что эти данные были известны не только воеводе, но и простым казакам. Поскольку, как следует из этой же отписки, казаки, пребывающие в Охотском остроге в 1652–1656 гг., занимались охотой на этих моржей (там же, с. 301). И не исключено, что ко времени появления в тех местах М. Стадухина они уже успели выбить это локальное стадо моржей. Напомню, кстати, по этому поводу, что гораздо более значительную по численности моржей анадырскую коргу дежнёвцы также опустошили за первые несколько лет.

Однако Б. П. Полевой почему-то не придавал значения этому свидетельству очевидцев. Более того, отталкиваясь от упоминания М. Стадухина об отсутствии моржей в Охотском море, он решил, что «новые неясачные коряки» говорили о моржах, обитающих в море, расположенном к востоку от Гижигинской губы. А потому и «направил» И. Камчатого на это самое Восточное море, утвердительно написав далее, что «...казаки с Чендонского зимовья действительно прошли через Парень в низовья Пенжины и оттуда к северной части полуострова Камчатка и там по традиционному пути с реки Лесной перешли на Карагу и далее на берег Берингова моря» (11, с. 24; 13, с. 122).

Но при этом Б. П. Полевой почему-то выпустил из поля зрения им же самим комментируемый факт наличия моржей в Охотском море, содержащийся в «Росписи от Охоты реки морем идти подле земли Ини до Мотыхлея реки и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь морж ложиться и на которых островах».

К тому же, добавлю, говоря в другом месте о походе к Восточному морю и к Камчатке, сам историк высказался скорее отрицательно, чем утвердительно: «Куда именно ходил собирать ясак Камчатой в 1658–1659 гг., достоверно неизвестно. Но поскольку он пытался проникнуть в район, где имела моржовая кость, не оставляет никаких сомнений то, что он ходил к Берингову морю. Как известно, ещё Михаил Стадухин отметил, что в северной части Охотского моря “костья рыба зуба нету”» (10, с. 106). Сомнения всё же возникают, так как Полевой при этом ни о длине данного маршрута, ни о скорости передвижения по нему, ни о времени, потраченном казаками на предполагаемый поход на Камчатку и обратно, ничего не сказал.

Так что версия Б. П. Полевого о походе И. Камчатого на Камчатку (а заодно и о происхождении названия Камчатка от фамилии И. Камчатого) вызывает, как минимум, сомнение. А по большому счёту, не выдерживает критики. Как не выдерживает критики и предположение историка о втором походе Ф. Чюкичева и И. Камчатого на Камчатку. Потому что, как написал в своей челобитной колымскому начальству сам Ф. Чюкичев: «...в нынешнем же во 158 (1660) году подымался он, Федька, на государеву службу на Омолон реку служилыми людьми на усть Баранихи с Ивашкой Камчатым, с Мокейкой Игнатьевым, да с охочими с промышленными людьми одиннатцатью человек для государева ясачного соболиного збору и для прииску и приводу вновь под государеву руку неясачных закаменных иноземцев» (РГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1660. № 1. Л. 7. Цит. по: 10, с. 106). Во-первых, под «закаменными реками» в этом случае опять же понимаются Гижига, Парень и Пенжина, но никак не Камчатка, а, во-вторых, времени у них для второго похода на Камчатку попросту не было, так как «с Блудной реки (Омолону) он, Федька, ныне в 169 (1661) году летом не выплыл и казны государеву он не выслал, вести не ведомо жив, не ведомо мёртв» (РГАДА. ЯПИ. Оп. 3. 1661. № 67. Л. 82. Цит. по: 13, с. 154). То есть по наказу колымского приказного казаки уже в 1661 г., то есть всего через год, должны были вернуться в Нижнеколымск, тогда как для похода на полуостров и обратно им, как было показано выше, нужен был бы, как минимум, ещё один год.

Таким образом, подведу окончательный итог: на полуострове Камчатка И. Камчатый и Ф. Чюкичев не были, ибо, побывав на полуострове, они бы непременно доложили об его богатых пушных ресурсах колымскому приказному. А в этом случае либо сам колымский приказной, либо якутский воевода непременно послали бы на Камчатку-полуостров специальный отряд. Напомню, что всего через несколько лет после появления первых слухов об Анадырской корге она была уже буквально вдоль и поперёк перекопана жаждущими обогатиться за счёт «рыбьего зуба». Да и после похода В. Атласова на Камчатку туда сразу ринулись отряд за отрядом.

Однако те же Ф. Чюкичев и И. Камчатый в 1660 г. были посланы не на Камчатку, а на рр. Омолон и Гижига. Более того, даже 37 лет спустя после завершения похода Ф. Чюкичева и И. Камчатого на Чендон Лука Морозко также был послан не на Камчатку, а к «апутским корякам». «В 2204 (1696) году посылан от него был к Апутским Корякам Лука Морозков 16 человеках за яшашным збором...», – написал по этому поводу С. П. Крашенинников (6, с. 192). И только после посещения этих самых «апутских коряк» Л. Морозко побывал, якобы, на Камчатке. Именно якобы, так как есть основания считать, что сам Л. Морозко под Камчаткой понимал совершенно иной природный объект. Впрочем, это пока всего лишь предположение, требующее дополнительного обоснования.

1. *Быкасов В. Е.* Путешествие имён по карте. Дальневосточный регион России. XVII–XIX вв.: Сборник научных статей. Владивосток : Дальнаука, 2015. С. 253–291.
2. *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л. : Наука, 1973. 303 с.
3. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. 330 с.
4. *Иохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. Пер. с англ. СПб. : Наука, 1997. 237 с.
5. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 1. СПб. : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994. 438 с.
6. *Крашенинников С. П.* Указ. соч. Т. II. 319 с.
7. *Леонтьев В. В., Новикова К. А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан : Кн. изд-во, 1989, 456 с.
8. Отписка якутского воеводы И. П. Акинфова в Сибирский приказ о плавании служилого человека Алексея Филиппова с товарищами от устья р. Охоты до р. Мотыхлей, сведения, сообщённые ими о «моржовом мысе» и близлежащих к нему островах и посылке в Москву с отписками торгового человека Кирилла Коткина // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века: Сборник документов. М. : Географгиз, 1951. С. 300–301.
9. Память служилому человеку Михаилу Стадухину, со сведениями о походе служилого человека Ивана Баранова на реку Анадырь в 40-е гг. // Там же. С. 262–264.
10. *Полевой Б. П.* О происхождении названия Камчатка. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967. С. 96–112.
11. *Он же.* О происхождении названия «Камчатка» // Норд-Ост. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-е. 1984. С. 11–34.
12. *Он же.* Открытие Камчатки со стороны Пенжины // Норд-Ост. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд-е. 1984. С. 51–62.
13. *Он же.* Новое об открытии Камчатки. Часть первая. Петропавловск-Камчатский, 1997. 159 с.
14. Север Дальнего Востока. М. : Наука, 1970. 488 с.
15. *Слободин С. Б.* Деятельность Джезуповской экспедиции на Охотском побережье, Колыме и Чукокоте в 1900–1902 гг. // Материалы международной научной конференции (Владивосток, 1–5 апреля 1998 г.). «Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья, северо-западной Америки и северо-восточной Азии». Владивосток, 1998. С. 99–105.

Т. В. Воробьёва **РУССКАЯ АМЕРИКА В ИСТОРИИ КАМЧАТКИ**

К концу первой четверти XVIII в. территория Российской империи протянулась от Балтийского моря к побережью Тихого океана. Присоединение и освоение Камчатки выдвигало Россию на новый рубеж. Именно с Камчатки были совершены первые плавания к Курильским островам, от нее пролегал путь экспедиций Витуса Беринга к Американскому континенту.